

ПОРА НАМ В ОПЕРУ

ОПЕРА, как принято думать, — дама дорогая и престижная во всех отношениях. Это своего рода символ достойной жизни, благополучия, культуры. И в духовном, и в материальном смысле. Но это больше там, у них (что, впрочем, мало отражается на искусственности публики). У нас же...

О! У нас опера ведет жизнь фантастическую. Полную видений, как у героев Достоевского. В своих прекрасных безумных снах она наконец обретает гармонию и красоту европейского человечества. Но, просыпаясь в сумерках белых ночей, с ужасом понимает идеальность своих мечтаний, их неосуществимость. Дрожаящими руками она перебирает старые платья из гардероба. Пражские спектакли... А новый премьерный туалет сшить не удастся. Нет бархата. Где бы достать! Вперед! Вперед! Вперед! Выглядеть! Неужели перешивать снова! Проклятая бедность. У кого бы взять денег? Нет ни того, ни другого. Ничего нет.

И все-таки она вертится. Правда, поразному. У одних вертится только сценический круг (тоже редкость!). Другие хорошо раскручивают творческие замыслы (это вообще дефицит). Третьи — деловые контакты (особенно там!). В относительно лучшем положении большие оперные казино Москвы и Ленинграда. Здесь все же шарик оперной рулетки крутится быстрее и с большей вероятностью выигрыша. Хотя и у них вертится не все. Вот не хочет же поворачивать назад конь, на котором кузнец Вакула летит в Петербург за червчиками в «Ночи перед Рождеством» Большого театра. Не хочет он обратно в свою Диканьку. Прагматик-конь. Да и Петербурга уже не надо. Он стремится

Сумерки богов

вперед — на Запад. Ему мерещится Эдинбург (хоть масштабы и не те, да червчички краше), а то и дальше... Также стараются быть реалистами (правда, каждый по-своему) ленинградские театры. Все правильно.

Но гораздо прозаичней жизнь российской глубинки. Что с ней может в Европе сравниться? Ничто! Провинциальная оперная барышня давным-давно перестала быть идеалисткой. Да и барышня ли она! Нелегко узнать в этой иструженной женщине с чертами бывлой красоты девушку, одухотворенную когда-то надеждой, она даже не может спрятать свои огрубевшие от непосильной работы руки. Но так ли уж она виновата в этом?

Судьба критика занесла меня недавно в Челябинск. Здешний театр я знаю не сколько лет. Ему были не чужды прекрасные порывы, встречи и приключения. Несмотря на бедность, намечались привлекательные черты творческой юности с ее иллюзиями, дерзостью. Не случайно тогда были поставлены «Богемы» и привлекавшая внимание необычная «Снегурочка». Союз интересных, неординарно мыслящих постановщиков — дирижера В. Соболева и режиссера А. Степанюка — был устремлен в перспективу. Но вот В. Соболев вынужден был уйти. Ушли и молодые, сильные солисты. Обнажилась творческая и материальная нужда, которую не в силах скрыть тяжело и часто работающие артисты во главе со своим интеллигентным, ищущим режиссером. Порывы ушли из театра. Он остался без слез, без жизни, без любви. Прежде всего без любви города, которому он, видимо, не нужен. Впрочем, такова жестокая реальность рос-

сийской оперы. До мечтаний ли тут? Белье ночи...

Брошенная на произвол судьбы опера каждый вечер должна делать хорошую мину при плохой игре. Она очень старается. И — о, чудо! — ей что-то удается сделать. Вечернее настроение, как в недавней премьере челябинского театра — «Летучей мышью». Пусть чуть-чуть, пусть в запыленных перчатках и не в самом изысканном вечернем платье. Но мы все-таки вспоминаем, что перед нами — женщина, что она хочет быть ею всегда и уж во всяком случае достойно другой участи. Не случайно же говорят о том, что общество познается по отношению к женщине. Почему же ее лишили вечной привилегии нравиться? Кто-то же должен, наконец, понять, что оперный вечер — это событие. Что к нему надо готовиться, как к дорожному свиданию. Но что стоит сегодня опера по сравнению с прозой жизни? Ничтожно мало. Даже в прямом смысле.

Да, опера элитарна. Но и демократична, хитра и не пытается быть самым массовым из искусств, которым, как известно, «являются у нас кино». Может быть, она и не хочет быть доступной. Что ж делать с ее несносной возвышенностью, которая к тому же упирается в грубые материальные основания: квартиры, ставки, укомплектованность, гастролы?

Понятно, что властям российских городов в погоне за златом насыщенным не до этой капризной дамы. Уровень жизни не позволяет. Но тогда что же мешало бы признаться, что они не в состоянии содержать оперу! Боязнь потерять равновесие? Или они смутно понимают, что уход оперы означает и снижение качества жизни? В общем, влору уже создавать общественный Фонд спасения оперы (ФСО). Шапку по миру? Все, что угодно. Только не надо преждевременно старить оперу, превращать ее в погрязневшую, расчетливую и циничную особу. Оставим этой прекрасной идеалистке ее неповторимый талант: любить и быть любимой.

Михаил МУНГИНШТЕЙН.